

ДЖОНЪ ТЕННЕРЪ.

Съ иѣкотораго времени Сѣверо - Американскіе Штаты обращаютъ на себя въ Европѣ вниманіе людей наиболѣе мыслящихъ. Не политическія происшествія тому виною: Америка спокойно совершаєть свое поприще, донынѣ безопасная и цвѣтуща, сильная миромъ, упроченнымъ ей географическимъ ея положеніемъ, гордая своими учрежденіями. Но иѣсколько глубокихъ умовъ въ недавнее время занялись изслѣдованиемъ нравовъ и постановлений Американскихъ, и ихъ наблюденія возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уваженіе къ сему новому народу и къ его уложенію, плоду новѣйшаго просвѣщенія, сильно поколебалось. Съ изумленіемъ увидѣли демократію въ ея отвратительномъ цинизмѣ, въ ея жестокихъ предразсудкахъ, въ ея нестерпимомъ тиранствѣ. Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу человѣческую, подавленное неумолимымъ эгоизмомъ и страстью къ довольству (*comfort*); большинство, нагло притѣсняющее общество; рабство Негровъ посреди образованности и свободы; родословная гоне-

нія въ народѣ, не имѣющемъ дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющихъ робость и подобострастіе; талантъ, изъ уваженія къ равенству, принужденный къ добровольному ostrакизму; богачъ, надѣвающій оборванный каftанъ, дабы на улицѣ не оскорбить надменной нищеты, имъ втайне презираемой: такова картина Американскихъ Штатовъ, недавно выставленная передъ нами.

Отношенія Штатовъ къ Индійскимъ племенамъ, древнимъ владѣльцамъ земли, нынѣ заселенной Европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новыхъ наблюдателей. Явная несправедливость, ябода и безчеловѣчіе Американского Конгресса осуждены съ негодованіемъ; такъ или иначе, чрезъ мечь и огонь, или отъ рома и ябоды, или средствами болѣе нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближенії цивилизациі. Таковъ неизбѣжный законъ. Остатки древнихъ обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространная степи, необозримыя рѣки, на которыхъ сѣтьми и стрѣлами добывали они себѣ пищу, обратятся въ обработанныя поля, усеянныя деревнями, и въ торговыя гавани, гдѣ задымятся пироскафы, и разовьется флагъ Американскій.

Нравы Сѣверо - Американскихъ дикарей знакомы намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. Но Шатобрианъ и Куперъ оба представили намъ Индійцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія. «Дикии, выстав-

ленице въ романахъ» — пишетъ Вашингтонъ - Ирвингъ—«также похожи на настоящихъ дикарей, какъ идиллические пастухи на пастуховъ обыкновенныхъ.» Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ заманчивыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями.

Въ Нью-Йоркѣ недавно изданы «Записки Джона Теннера», проведшаго тридцать лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки, между дикими ея обитателями. Эти «Записки» драгоценны во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ самый полный, и вѣроятно послѣдній, документъ бытія народа, коего скоро не останется и слѣдовъ. Лѣтописи племенъ безграмотныхъ, онъ разливаютъ истинный свѣтъ на то, что нѣкоторые философы называютъ естественнымъ состояніемъ человѣка; показанія простодушныя и безстрастныя, онъ наконецъ будуть свидѣтельствовать передъ свѣтомъ о средствахъ, которыя Американскіе Штаты употребляли въ XIX столѣтіи къ распространенію своего владычества и Христіанской цивилизациі. Достовѣрность сихъ «Записокъ» не подлежитъ никакому сомнѣнію. Джонъ Теннеръ еще живъ; многія особы (между прочими Токвиль, авторъ славной книги: «De la democratie en Am  rique») видѣли его, и купили отъ него самого его книгу. По ихъ мнѣнію, подлога тутъ быть не можетъ. Да и стоить прочитать нѣсколько страницъ, чтобы въ томъ удостовѣриться: отсутствіе всякаго искусства и смиренная престата повѣствованія ручаются за истину.

Отецъ Джона Теннера, выходецъ изъ Виргиніи, былъ священникомъ. По смерти жены своей, онъ поселился въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Элькъ-Горнъ, въ недальнемъ разстояніи отъ Цинциннати.

Элькъ - Горнъ былъ подверженъ нападеніямъ Индійцевъ. Дядя Джона Теннера однажды ночью, сговарясь съ своими соседями, приблизился къ стану Индійцевъ, и застрѣлилъ одного изъ нихъ. Прочие бросились въ рѣку и уплыли....

Отецъ Теннера, отправляясь однажды утромъ въ дальнее селеніе, приказалъ своимъ обѣимъ дочерямъ отослать маленькаго Джона въ школу. Онъ вспомнили о томъ уже послѣ обѣда. Но шелъ дождь, и Джонъ остался дома. Вечеромъ отецъ возвратился, и узнавъ, что онъ въ школу не ходилъ, послалъ его самого за тростникомъ, и болѣю его высыпѣ. Съ той поры отеческій домъ опостылилъ маленькому Теннеру; онъ часто думалъ и говоривалъ: «Мнѣ бы хотѣлось уйти къ дикимъ!»

«Отецъ мой»—пишетъ Теннеръ—«составилъ Элькъ-Горнъ, и отправился къ устью Бигъ-Міами, гдѣ онъ долженъ былъ завести новое поселеніе. Тамъ на берегу нашли мы обработанную землю и нѣсколько хижинъ, покинутыхъ поселенцами изъ опасенія дикихъ. Отецъ мой исправилъ хижины и окружилъ ихъ заборомъ. Это было весною. Онъ занялся хлѣбопашествомъ. Дней десять спустя по своемъ прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ намъ, что лошади его беспокоятся, чуя близость Индійцевъ, которые вѣроятно ры-

щутъ по лѣсу. «Джонъ»—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—«ты сегодня сиди дома.» Потомъ пошелъ онъ заставать поле съ своими Неграми и старшимъ моямъ братомъ.

« Насъ осталось дома четверо дѣтей. Мачиха, чтобы вѣрнѣе меня удержать, поручила мнѣ смотрѣть за младшимъ, которому не было еще году. Я скоро скучился, и стала щипать его, чтобы заставить кричать. Мачиха велѣла мнѣ взять его на руки и съ нимъ гулять по комнатамъ. Я послушался, но не пересталь его щипать. Наконецъ она стала его кормить грудью; а я побѣжалъ проворно на дворъ и ускользнула въ калитку, оттуда въ поле. Не въ далекомъ разстояніи отъ дома, и близъ самаго поля, стояло орѣховое дерево, подъ которымъ бѣгалъ я собирать прошлогодніе орѣхи. Я осторожно до него добрался, чтобы не быть замѣчену ни отцемъ, ни его работниками..... Какъ теперь вижу отца моего, стоящаго съ ружьемъ на стражѣ посреди поля. Я спрятался за дерево и думалъ про себя: «Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть Индійцевъ!»

« Ужъ моя соломенная шляпа была почти полна орѣхами, какъ вдругъ услышалъ я шорохъ. Я оглянулся: Индійцы! Старикъ и молодой человѣкъ схватили меня и потащили. Одинъ изъ нихъ выбросилъ изъ моей шляпы орѣхи и надѣлъ мнѣ ее на голову. Послѣ того ничего не помню. Вѣроятно я упалъ въ обморокъ, потому что не закричалъ. Наконецъ я очнулся подъ высокимъ деревомъ. Старика не бы-

ло. Я находился между молодымъ человѣкомъ и другимъ Индійцемъ, широкоплечимъ и малорослымъ. Вѣроятно я его чѣмъ нибудь да разсердилъ, потому что онъ потащилъ меня въ сторону, схватилъ свой *томагаукъ* (дубину) и знаками велѣлъ мнѣ глядѣть вверхъ. Я понялъ, что онъ мнѣ приказывалъ въ послѣдній разъ взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой Индіецъ, похитившій меня, удержалъ ударъ, внесенный надъ моей головою. Оба заспорили съ живостью. Покровитель мой закричалъ. Несколько голосьевъ ему отвѣчало. Старикъ и четыре другіе Индійца прибѣжали поспѣшно. Старый начальникъ, казалось, строго говорилъ тому, кто угрожалъ мнѣ смертю. Потомъ онъ и молодой человѣкъ взяли меня, каждый за руку, и потащили опять. Между тѣмъ ужасный Индіецъ шелъ за нами. Я замедлялъ ихъ отступленіе, и замѣтилъ было, что они боялись быть настигнуты.

« Въ разстояніи одной мили отъ нашего дома, у берега рѣки, въ кустахъ, спрятанъ былъ ими человѣкъ изъ древесной коры. Они сѣли въ него всѣ семеро, взяли меня съ собою, и переправились на другой берегъ, у самаго устья Бигъ-Міами. Человѣкъ остановили. Въ лѣсу спрятаны были одѣяла (кожаныя) и запасы; они предложили мнѣ дичины и медвѣжья жиру. Но я не могъ ѣсть. Нашъ домъ отсель былъ еще видѣнъ; они смотрѣли на него, и потомъ обращались ко мнѣ со смѣхомъ. Не знаю, что они говорили.

« Отобѣдавъ, они пошли вверхъ по берегу, таща меня съ собою по прежнему, и сняли съ меня башмаки, полагая, что они мѣшали бѣжать. Я не терялъ еще надежды отъ нихъ избавиться, несмотря на надзоръ, и замѣчалъ всѣ предметы, дабы по нимъ направить свой обратный побѣгъ; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить слѣды. Я надѣялся убѣжать во время ихъ сна. Настала ночь; старики и молодой Индіецъ легли со мною подъ одно одѣяло и крѣпко прижали меня. Я такъ усталъ, что тотчасъ заснуль. На другой день я проснулся на зарѣ. Индійцы уже встали и готовы были въ путь. Такимъ образомъ шли мы четыре дни. Меня кормили скучно; я все надѣялся убѣжать, но при наступлении ночи, сонъ каждый разъ мною овладѣвалъ совершенно. Ноги мои распухли, и были всѣ въ ранахъ и въ занозахъ. Старики мнѣ помогъ кое-какъ, и даль пару *люкасиновъ* (родъ кожаныхъ лаптей), которыя облегчили меня немнogo.

« Я шелъ обыкновенно между старикомъ и моло-дымъ Индійцемъ. Часто заставляли они меня бѣгать до упаду. Несколько дней я почти ничего не ъѣлъ. Мы встрѣтили широкую рѣку, впадающую (думаю) въ Міами. Она была такъ глубока, что мнѣ не льзя было ея перейти. Старики взяли меня къ себѣ на плечи, и перенесъ на другой берегъ. Вода дохо-дила ему подъ мышки; я увидѣлъ, что одному мнѣ перейти эту рѣку было невозможно, и потерялъ всю надежду на скорое избавленіе. Я проворно вска-

*

рабкался на берегъ, сталь бѣгать по лѣсу, и спу-
тнуль съ гнѣзда дикую птицу. Гнѣздо полно было
яицъ; я взялъ ихъ въ платокъ и воротился къ рѣ-
кѣ. Индійцы стали смѣяться, увидѣвъ меня съ мо-
ею добычею, разложили огонь и стали варить яи-
ца въ маленькомъ котлѣ. Я былъ очень голоденъ,
и жадно смотрѣлъ на эти приготовленія. Вдругъ
прибѣжалъ старикъ, схватилъ котель и вылилъ во-
ду на огонь вмѣстѣ съ яицами. Онъ наскоро что-
то шепнулъ молодому человѣку. Индійцы поспѣшили
подобрали яица и разсыпались по лѣсамъ. Двое изъ
нихъ умчали меня со всевозможной быстротою. Я
думалъ, что за нами гнались, и въ послѣдствіи
узналъ, что не ошибся. Вѣроятно меня искали на
томъ берегу рѣки.

«Два или три дня послѣ того, встрѣтили мы от-
рядъ Индійцевъ, состоявшій изъ двадцати или трид-
цати человѣкъ. Они шли въ Европейскія селенія.
Старикъ долго съ ними разговаривалъ. Узнавъ (какъ
послѣ мнѣ сказали), что бѣлые люди за нами гна-
лись, они пошли имъ на встрѣчу. Произошло жар-
кое сраженіе, и съ обѣихъ сторонъ легло много
мертвыхъ.

«Походъ нашъ сквозь лѣса былъ труденъ и ску-
ченъ. Черезъ десять дней пришли мы на берегъ Ма-
уми. Индійцы разсыпались по лѣсу, и стали осмат-
ривать деревья, перекликаясь между собою. Вы-
брали одно орѣховое дерево (*hickory*), срубили его,
сняли кору и сшили изъ нея членокъ, въ которомъ

мы все помѣстились; попыти по теченію рѣки, и вышли на берегъ у большой Индійской деревни, выстроенной близъ устья другой какой - то рѣки. Жители выбѣжали къ намъ на встрѣчу. Молодая женщина съ крикомъ кинулась на меня и била по головѣ. Казалось, многіе изъ жителей хотѣли меня убить; однако стариkъ и молодой человѣкъ уговорили ихъ меня оставить. Повидимому, я часто бывалъ предметомъ разговоровъ, но не понималъ ихъ языка. Стариkъ зналъ нѣсколько Англійскихъ словъ. Онъ иногда приказывалъ мнѣ сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная такимъ образомъ требовать отъ меня различныхъ услугъ.

« Мы отправились далѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Индійской деревни находилась Американская контора. Тутъ нѣсколько купцовъ со мною долго разговаривали. Они хотѣли меня выкупить; но стариkъ на то не согласился. Они объяснили мнѣ, что я у старика заступлю мѣсто его сына, умершаго недавно; обошлись со мною ласково, и хоропю меня кормили во все время нашего пребыванія. Когда мы разстались, я сталъ кричать—въ первый разъ послѣ моего похищенія изъ дома родительскаго. Купцы утѣшили меня, обѣщавъ черезъ десять дней выкупить изъ неволи.»

Наконецъ членокъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ обитали похитители бѣднаго Джона. Старуха вышла изъ деревяннаго шалаша, и побѣжала къ нимъ на встрѣ-

чу. Стариkъ сказаlъ ей нѣсколько словъ; она закричала, обняла, прижала къ сердцу своему маленькаго пльнника и потащила въ шалашъ.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-огезикъ. Младшій изъ его сыновей умеръ незадолго передъ происшествіемъ, здѣсь описаннымъ. Жена его объявила, что не будетъ жива, если ей не отыщутъ ея сына. То есть, она требовала молодаго невольника, съ тѣмъ чтобы его усыновить. Старый Монито-о-гезикъ съ сыномъ своимъ Кишъ-кау-ко и съ двумя единоплеменниками, жителями Гуронскаго Озера, тотчасъ отправились въ путь, чтобы только удовлетворить желаніе старухи. Трое молодыхъ людей, родственники старика, присоединились къ нему. Всѣ семеро пришли къ селеніямъ, расположеннымъ на берегахъ Ою. Наканунѣ похищенія, Индійцы переправились черезъ рѣку и спрятались близъ Теннерова дома. Молодые люди съ нетерпѣніемъ ожидали появленія ребенка, и нѣсколько разъ готовы были выстрѣлить по работникамъ. Стариkъ насилиu могъ ихъ удержать.

Возвратясь благополучно домой съ своею добыченою, старый Монито - о - гезикъ на другой же день созвалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и Джонъ Теннерь былъ торжественно усыновленъ на самой могилѣ маленькаго дикаря.

Была весна. Индійцы оставили свои селенія и всѣ отправились на ловлю звѣрей. Выбравъ себѣ удобное мѣсто, они стали ограждать его заборомъ изъ

зеленыхъ вѣтвей и молодыхъ деревъ, изъ - за которыхъ должны были стрѣлять. Джону поручили обламывать сухія вѣточки и обрывать листья съ той стороны, где скрывались охотники. Маленький плѣнникъ, утомленный зноемъ и трудомъ, всегда голодный и грустный, лѣниво исполнялъ свою должностъ. Старый Монито - о - гезикъ, заставь однажды его спящимъ, ударилъ мальчика по головѣ своимъ толлагукомъ и бросилъ за-мертво въ кусты. Возвратясь въ таборъ, старикъ сказалъ женѣ своей: «Старуха! мальчикъ, котораго я тебѣ привель, ни къ чему негоденъ; я его убилъ. Ты найдешь его тамъ - то.» Старуха съ дочерью прибѣжали, нашли Теннера еще живаго, и привели его въ чувства.

Жизнь маленькаго пріемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверхъ силъ; старикъ и сыновья его били бѣднаго мальчика поминутно. Быть ему почти ничего не давали; ночью онъ спаль обыкновенно между дверью и очагомъ, и всякий, входя и выходя, непремѣнно давалъ ему ногою толчекъ. Старикъ возненавидѣлъ его, и обходился съ нимъ съ удивительной жестокостію. Теннеръ никогда не могъ забыть слѣдующаго происшествія.

Однажды Монито - о - гезикъ, вышедъ изъ своей хижины, вдругъ возвратился, схватилъ мальчика за волосы, потащилъ за дверь, и уткнуль какъ кошку лицомъ въ навозную кучу. «Подобно всѣмъ Индійцамъ»—говорить Американскій издатель его Записокъ—«Теннеръ имѣеть привычку скрывать свои

ощущенія. Но когда рассказывалъ онъ мнѣ сіе приключеніе, блескъ его взгляда и судорожный трепетъ верхней губы доказывали, что жажда мщенія—отличительное свойство людей, съ которыми провелъ онъ свою жизнь—не была чужда и ему. Тридцать лѣтъ спустя, желаль онъ еще омыть обиду, претерпѣнную имъ на двѣнадцатомъ году!»

Зимою начались военные приготовленія. Монито-о-гезикъ, отправляясь въ походъ, сказалъ Теннеру: «Иду убить твоего отца, братьевъ и всѣхъ родственниковъ».... Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился, и показалъ Джону бѣлую, старую шляпу, которую онъ тотчасъ узналъ: она принадлежала брату его. Старикъ увирилъ его, что сдержалъ свое слово, и что никто изъ его родныхъ уже болѣе не существуетъ.

Время шло, и Джонъ Теннеръ началъ привыкать къ судьбѣ своей. Хотя Монито-о-гезикъ все обходился съ нимъ сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчать его участъ.—Черезъ два года произошла важная перемѣна. Начальница племени Отавуавовъ, Неть-но-куа, родственница старого Индійца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтобы замѣнить себѣ потерю сына. Джонъ Теннеръ былъ вымѣненъ на боченокъ водки и на нѣсколько фунтовъ табаку.

Вторично усыновленный, Теннеръ нашелъ въ новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Онъ искренно къ ней привязался; вско-

рѣ отвыкъ отъ привычекъ своей дѣтской образованности и сдѣлался совершеннымъ Индійцемъ,—и теперь, когда судьба привела его снова въ общество, отъ коего былъ онъ, отторгнутъ въ младенчество, Джонъ Теннеръ сохранилъ видъ, характеръ и предразсудки дикарей, его усыновившихъ.

«Записки» Теннера представляютъ живую и грустную картину. Въ нихъ есть какое - то однообразіе, какая - то сонная безсвязность и отсутствіе мысли, дающія нѣкоторое понятіе о жизни Американскихъ дикарей. Это длинная повѣсть о застрѣленныхъ звѣряхъ, о мятеляхъ, о голодныхъ, дальнихъ шествіяхъ, объ охотникахъ, замерзшихъ на пути, о скотскихъ оргіяхъ, о ссорахъ, о враждѣ, о жизни бѣдной и трудной, о нуждахъ, непонятныхъ для чадъ образованности.

Американскіе дикии всѣ вообще звѣроловы. Цивилизація Европейская, вытѣснивъ ихъ изъ наследственныхъ пустынь, подарила имъ порохъ и свинецъ: тѣмъ и ограничилось ея благодѣтельное вліяніе. Искусный стрѣлокъ почитается между ими за великаго человѣка. Теннеръ разсказываетъ первый свой опытъ на поприщѣ, на которомъ потомъ прославился.

«Я отроду еще не стрѣлялъ. Мать моя (Нетъ - нокуа) только что купила бочонокъ пороху. Ободренный ея снисходительностію, я попросилъ у ней пистолетъ, чтобы идти въ лѣсъ стрѣлять голубей. Мать моя согласилась, говоря: «Пора тебѣ быть охотникомъ.» Миѣ дали заряженый пистолетъ, и сказали

что если удастся застрѣлить птицу, то дадутъ ружье и станутъ учить охотѣ.

« Съ того времени я возмужалъ, и нѣсколько разъ находился въ затруднительномъ положеніи; но никогда жажды успѣха не была во мнѣ столь пламенна. Едва вышелъ я изъ табора, какъ увидѣлъ голубей въ близкомъ разстояніи. Я взвѣль курокъ и поднялъ пистолеть почти къ самому носу; прицѣлился и выстрѣлилъ. Въ то же время мнѣ послышалось жужжаніе, подобное свисту брошенаго камня; пи стоять полетѣлъ черезъ мою голову, а голубь лежалъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ.

« Не заботясь о моемъ израненномъ лицѣ, я побѣжалъ въ тaborъ съ застрѣленнымъ голубемъ. Раны мои осмотрѣли; мнѣ дали ружье, порохъ и дробь, и позволили стрѣлять по птицамъ. Съ той поры стали со мною обходиться съ уваженіемъ.»

Вскорѣ послѣ того молодой охотникъ отличился новымъ подвигомъ.

« Дичь становилась рѣдка; толпа наша (отрядъ охотниковъ съ женами и дѣтьми) голодала. Предводитель нашъ совѣтовалъ перенести тaborъ на другое мѣсто. Наканунѣ назначенаго дня для походу, мать моя долго говорила о нашихъ неудачахъ и объ ужасной скучности, насть постигшей. Я легъ спать; но ея пѣсни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

« На другой день, рано утромъ, она разбудила насть;

велѣла обуваться и быть готовымъ въ походъ. Потомъ призвала своего сына, Уа-ме-гонъ-с-бью, и сказала ему: «Сынъ мой, въ нынѣшнюю ночь я молилась Великому Духу. Онъ явился мнѣ въ образѣ человѣческомъ, и сказалъ: Нетъ-но-куа! завтра будеть вамъ медвѣдь для обѣда. Вы встрѣтите на пути вашемъ (по такому-то направленію) круглую долину, и на долинѣ тропинку: медвѣдь находится на той тропинкѣ.»

« Но молодой человѣкъ, не всегда уважавшій слова своей матери, вышелъ изъ хижины и рассказалъ сонъ ея другимъ Индійцамъ. «Старуха увѣряетъ» — сказалъ онъ смѣясь—«что мы сегодня будемъ есть медвѣдя; но не знаю, кто-то его убьетъ.» — Нетъ-но-куа его за то побрили, но не могла уговорить идти на медвѣдя.

«Мы пошли въ походъ. Мужчины шли впередъ и несли наши пожитки. Пришедъ на мѣсто, они отправились на ловлю, а дѣти остались стеречь поклажу до прибытія женщинъ. Я бымъ тутъ же; ружье было при мнѣ. Я все думалъ о томъ, что говорила старуха, и рѣшился идти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядилъ ружье пулею, и, не говоря никому ни слова, воротился назадъ.

« Я прибымъ къ одному мѣсту, гдѣ вѣроятно никогда находился прудъ, и увидѣлъ круглое, малое пространство посреди лѣса. Вотъ,—подумалъ я,—долина, назначенная старухою. Вскорѣ нашель родъ тропинки, вѣроятно русло изсохшаго ручейка. Все покрыто было глубокимъ снѣгомъ.

«Мать сказывала также, что во снѣ видѣла она дымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился медвѣдь. Я быль увѣренъ, что нашелъ долину сю описанную, и долго ждалъ появленія дыма. Однакожъ дымъ не показывался. Наскуча напраснымъ ожиданіемъ, сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ тамъ, гдѣ, казалось, шла тропинка, и вдругъ увязъ по поясъ въ снѣгу.

«Выкарабкавшись проворно, прошелъ я еще нѣсколько шаговъ, какъ вспомнилъ вдругъ разсказы Индійцевъ о медвѣдахъ, и мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, мѣсто, куда я провалился, была медвѣжья берлога. Я воротился, и во глубинѣ впадины увидѣлъ голову медвѣда; приставилъ ему дуло ружья между глазами, и выстрѣлилъ. Коль скоро дымъ разошелся, я взялъ палку и нѣсколько разъ воткнулъ ея конецъ въ глаза и рану; потомъ, удостовѣрясь, что медвѣдь убитъ, сталъ его тащить изъ берлоги, но не смогъ, и возвратился въ таборъ по своимъ слѣдамъ.

«Вошелъ въ шалашъ моей матери. Старуха сказала мнѣ: «Сынъ мой, вынь изъ котла кусокъ броваго мяса, которое мнѣ дали сегодня; да оставь половину брату, который съ охоты еще не воротился, и сегодня ничего не ъѣлъ»... Я сѣѣлъ свой кусокъ, и видя, что старуха одна, подошелъ къ ней, и сказалъ ей на ухо: «Мать! я убилъ медвѣда!»—Что ты говоришь? — «Я убилъ медвѣда!» — Точно ли онъ убитъ?—«Точно». — Она нѣсколько времени глядѣла на меня неподвижно; потомъ обняла меня съ

нѣжностию и долго ласкала. Пошли за убитымъ медвѣдемъ; и какъ это былъ еще первый, то, по обычаю Индійцевъ, его изжарили цѣльнаго, и всѣ охотники приглашены были съѣсть его вмѣстѣ съ нами.»

Описаніе различныхъ охотъ и приключений во время преслѣдованія звѣрей занимаетъ много мѣста въ «Запискахъ» Джона Теннера. Исторіи объ однихъ убитыхъ медвѣдяхъ составляютъ цѣлый романъ. То, что онъ говоритъ о музѣ, Американскомъ оленѣ (*cervus alces*), достойно изслѣдованія натуралистовъ.

«Индійцы увѣрены, что музъ между прочимъ одаренъ способностію долго оставаться подъ водою. Двое изъ моихъ знакомыхъ, люди нелживые, возвратились однажды вечеромъ съ охоты, и рассказали намъ, что молодой музъ, загнанный ими въ маленький прудъ, нырнулъ въ средину. Они до вечера стерегли его на берегу, куря табакъ; во все время не видали они ни малѣшаго движенія воды, ни другой какой либо примѣты скрывшагося муза, и, потерявъ надежду на успѣхъ, наконецъ возвратились.

«Нѣсколько минутъ по ихъ прибытіи, явился одинокій охотникъ съ свѣжею добычею. Онъ рассказалъ, что звѣринный слѣдъ привелъ его къ берегамъ пруда, гдѣ нашелъ онъ слѣды двухъ человѣкъ, повидимому прибывшихъ туда съ музомъ почти въ одно время. Онъ заключилъ, что музъ былъ ими убитъ; сѣмь на берегъ, и вскорѣ увидѣлъ муза, приставшаго тихо надъ неглубокою водою, и застрѣлилъ его въ пруду.

«Индійцы полагаютъ, что музъ животное самое осторожное, и что достать его весьма трудно. Онъ бдительнѣе, нежели дикий буйволъ (*bison, bos americanus*) и Канадскій олень (*caribou*), и имѣть болѣе острое чутье. Онъ быстрѣе лося, осторожнѣе и хитрѣе дикой козы (*l'antilope*). Въ самую страшную бурю, когда вѣтеръ и громъ сливаютъ свой продолжительный ревъ съ безпрестаннымъ шумомъ проливнаго дождя, если сухой прутикъ хрустнетъ въ лѣсу подъ ногой или рукою человѣческой, музъ уже слышитъ. Онъ не всегда убѣгаеть, но перестаетъ Ѳсть, и вслушивается во всѣ звуки. Если въ теченіи цѣлаго часа человѣкъ не произведетъ никакого шума, то музъ начинаетъ Ѳсть опять, но ужъ не забываетъ звука, имъ услышаннаго, и на нѣсколько часовъ осторожность его остается дѣятельнѣе».

Легкость и неутомимость Индійцевъ въ преслѣдованиіи звѣрей почти неимовѣрны. Вотъ какъ Теннеръ описываетъ охоту за лосями.

«Холодная погода только что начиналась. Снѣгъ былъ еще не глубже одного фута; а мы уже чувствовали голодъ. Намъ встрѣтилась толпа лосей, и мы убили четырехъ въ одинъ день.

«Вотъ какъ Индійцы травятъ лосей. Спугнувъ съ мѣста, они преслѣдуютъ ихъ ровнымъ шагомъ. въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Испуганные звѣри сгоряча опережаютъ ихъ на нѣсколько миль; но Индійцы, слѣдуя за ними все тѣмъ же шагомъ, наконецъ настигаютъ ихъ; толпа лосей, завида ихъ, бѣжитъ съ новымъ усилемъ, и исчезаетъ опять на

часть или на два. Охотники начинаютъ открывать ихъ скорѣе и скорѣе, и лоси все долѣе и долѣе остаются въ ихъ виду; наконецъ охотники ужъ ни на минуту не теряютъ ихъ изъ глазъ. Усталыя лоси бѣгутъ тихой рысью; вскорѣ идутъ шагомъ. Тогда и охотники находятся почти въ совершенномъ изнеможеніи. Однакожъ они обыкновенно могутъ еще дать залпъ изъ ружей по стаду лосей; но выстрѣлы придаютъ звѣрямъ новую силу; а охотники, ежели снѣгъ не глубокъ, рѣдко имѣютъ духъ и возможность выстрѣлить болѣе одного или двухъ разъ. Въ продолжительномъ бѣгствѣ лось не легко высвобождается копыто свое; въ глубокихъ снѣгахъ его достигнуть легко. Есть Индійцы, которые могутъ преслѣдоватъ лосей по степи и безспѣжной; но такихъ мало. »

Препятствія, нужды, встрѣчаемыя Индійцами въ сихъ предпріятіяхъ, превосходятъ все, что можно себѣ вообразить. Находясь въ безпрестанномъ движении, они не Ѵдятъ по цѣльмъ суткамъ, и принуждены иногда, послѣ такого насильственного поста, довольствоваться вареної кожаной обувью. Проваливаясь въ пропасти, покрытыя снѣгомъ, переправляясь черезъ бурныя рѣки на легкой древесной корѣ, они находятся въ ежеминутной опасности потерять или жизнь или средства къ ея поддержанію. Подмочивъ гнилое дерево, изъ коего добываютъ себѣ огонь, часто охотники замерзаютъ въ снѣговой степи. Самъ Теннеръ нѣсколько разъ чувствовалъ приближеніе ледяной смерти. « Однажды рано утромъ »—говоритьъ

онъ—я погналъ лося и преслѣдоваль его до ночи; уже готовъ быль его достигнуть, но вдругъ лишился и силь и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскорѣ она оледѣнѣла. Мои суконныя *житассы* (порты) изорвались въ клочки во время бѣга сквозь кустарники. Я почувствовалъ, что замерзаю.... Около полуночи достигъ мѣста, гдѣ стояла наша хижина; ея уже тамъ не было: старуха перенесла ее на другое мѣсто.... Я пошелъ по слѣдамъ моей семьи, и вскорѣ холодъ сталъ нечувствителенъ: мною овладѣло усыпленіе, обыкновенный признакъ предшествующей смерти. Я удвоилъ усилия; и хотя быль въ совершенной памяти и понималъ очень хорошо опасность своего положенія, но съ трудомъ могъ удержать желаніе прилечь на землю. Наконецъ совершилъ забытіе, не знаю на долго ли, и очнувшись какъ ото сна, увидѣлъ, что кружился на одномъ мѣстѣ.

« Я сталъ искать своихъ слѣдовъ, и вдругъ вдали увидѣлъ огонь; но снова потерялъ чувства. Еслибы я упалъ, то ужъ никогда бы не всталъ. Я сталъ опять кружиться на одномъ мѣстѣ; наконецъ достигъ нашей хижины. Вошедъ въ нее, я упалъ, однакожъ не лишился чувствъ. Какъ теперь вижу огонь, освѣщающій ярко нашу хижину, и ледъ, ее покрывающій; какъ теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня задолго передъ наступленіемъ ночи, не полагая, чтобъ я такъ долго остался на охотѣ.... Цѣлый мѣсяцъ я не могъ выд-

ти: лице, руки и ляжки были у меня сильно отморожены. . . .»

Подвергаясь таковыми трудами и опасностямъ, Индійцы имѣютъ цѣлію заготовленіе бобровыхъ мѣховъ, буйволовыхъ кожъ и прочаго, дабы продать и вымѣнить ихъ купцамъ Американскимъ. Но рѣдко получаютъ они выгоду въ торговыхъ своихъ оборотахъ: купцы обыкновенно пользуются ихъ простотою и склонностію къ крѣпкимъ напиткамъ. Вымѣнявъ часть товаровъ на ромъ и водку, бѣдные Индійцы отдаютъ и остальные за безцѣнокъ; за продолжительнымъ пьянствомъ слѣдуетъ голодъ и нищета, и нещастные дикии принуждены вскорѣ опять обратиться къ скучной и бѣдственной своей промышленности. Джонъ Теннеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ одну изъ этихъ оргій.

«Торгъ нашъ кончился. Старуха подарила купцу десять прекрасныхъ бобровыхъ мѣховъ. Въ замѣну подарка обыкновенно получала она одно платье, серебряныя украшения, знаки ея владычества, и бочку рому. Когда купецъ послалъ за нею, чтобы вручить свой подарокъ, она такъ была пьяна, что не могла держаться на ногахъ. Я явился вместо ея, и былъ немножко навеселъ; нарядился въ ея платье, надѣлъ на себя и серебряныя украшения; потомъ взваливъ бочку на плечи, принесъ ее въ хижину. Тутъ я поставилъ бочку наземь и прошибъ дно обухомъ. «Я не изъ тѣхъ начальниковъ»—сказалъ я—«которые тянутъ ромъ изъ дырочки: пей кто хо-

четъ и сколько хотеть!»—Старуха прибѣжала съ тремя котлами,—и въ пять минутъ все было выпито. Я пьянствовалъ съ Индійцами во второй разъ отроду; у меня спрятанъ былъ ромъ; тайно ходилъ я пить, и былъ пьянъ два дня сряду. Остатки пошли доливать съ племянникомъ старухи.... Онъ не былъ еще пьянъ; но жена его лежала передъ огнемъ въ совершенномъ безчувствіи.

«Мы сѣли пить. Въ это время Индіецъ, изъ племени Ожибуай, вошелъ шатаясь, и повалился передъ огнемъ. Ужъ было поздно; но весь таборъ шумѣлъ и пьянствовалъ. Я съ товарищемъ вышелъ, чтобы попироровать съ тѣми, которые захотятъ насть притласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котель съ остальнойю водкою. Погулявъ нѣсколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала передъ огнемъ; но на ней уже не было ея серебряныхъ украшеній. Мы кинулись къ нашему котлу: котель исчезъ; Индіецъ, оставленный нами передъ огнемъ, скрылся; и по многимъ причинамъ мы подозрѣвали его въ этомъ воровствѣ. Дошло до меня, что опь сказывалъ, будто бы я его поилъ. На другой день пошелъ я въ его хижину и потребовалъ котла. Онъ велѣлъ своей женѣ принести его. Такимъ образомъ воръ сыскался, и братъ мой получилъ обратно серебряныхъ украшенія!!....» Оставляемъ читателю судить какое улучшеніе въ нравахъ дикарей приносить соприкоснovenіе цивилизациі!

Легкомысленность, невоздержность, лукавство и жестокость — главные пороки дикихъ Американцевъ. Убийство между ими не почитается преступлением; но родственники и друзья убитаго обыкновенно мстять за его смерть. Джонъ Теннеръ навлекъ на себя ненависть одного Индійца и нѣсколько разъ подвергался его удару. «Ты давно могъ бы меня убить»— сказалъ ему однажды Теннеръ— «но ты не мужчина, у тебя нѣтъ даже сердаца женского, ни смѣлости собачей. Никогда не прошу тебѣ, что ты на меня замахнулся ножемъ, и не имѣль духа поразить». — Храбрость почитается между Индійцами главною человѣческою добродѣтелью: трусь презираешьъ у нихъ наравнѣ съ лѣнивымъ или слабымъ охотникомъ. Иногда, если убийство произошло въ пьянствѣ или ненарочно, родственники торжественно прощаются душегубца. Теннеръ разсказываетъ любопытный случай.

«Молодой человѣкъ, изъ племени Оттовауда, жившій у меня во время моей болѣзни, отлучился въ таборъ новоприбывшихъ Индійцевъ, которые въ то время пьянствовали. Въ полночь его привели къ намъ пьяного. Одинъ изъ проводниковъ втолкнулъ его въ хижину, сказавъ: «Смотрите за нимъ: «молодой человѣкъ напроказилъ.»

«Мы разложили огонь, и увидѣли молодаго человѣка, стоящаго съ ножемъ въ рукѣ, всего окровавленнаго. Его не могли уложить; я приказалъ ему лечь, и онъ повиновался. Я запретилъ дѣлать разысканія и упоминать ему объ окровавленномъ ножѣ.

*

« Утромъ, вставъ отъ глубокаго сна , онъ ничего не помнилъ. Молодой человѣкъ сказалъ намъ, что наканунѣ , кажется, онъ напился пьянъ , что очень голодень и хочетъ готовить себѣ обѣдъ. Онъ изумился, когда я сказалъ ему, что онъ убилъ человѣка. Онъ зналъ только , что во время пьянства кричалъ, вспомня объ отцѣ своемъ , убитомъ нѣкогда на томъ самомъ мѣстѣ бѣлыми людьми. Онъ очень опечалился, и тотчасъ побѣжалъ взглянуть на того, кого зарѣзали. Несчастный былъ еще живъ. Мы узнали, что , когда былъ онъ пораженъ, тогда лежалъ пьяный безъ памяти , и что самъ убийца вѣроятно не зналъ, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего; но переводчикъ (Американскаго губернатора) сильно его упрекалъ.

« Ясно было, что раненый не могъ жить , и что послѣдній часъ его былъ уже близокъ. Убийца возвратился къ намъ. Мы приготовили значительные подарки : кто далъ одѣяло, кто кусокъ сукна, кто то, кто другое. Онъ унесъ ихъ тотчасъ и положилъ передъ раненымъ. Потомъ обратясь къ родственникамъ, сказалъ имъ: «Друзья мои, вы видите, что я убилъ вашего брата ; но я самъ не зналъ, что дѣлалъ. Я не имѣлъ злаго намѣренія : недавно приходилъ онъ въ нашъ таборъ , и я съ нимъ видѣлся дружелюбно; но въ пьянствѣ я обезумѣлъ, и жизнь моя вамъ принадлежитъ. Я бѣденъ, и живу у чужихъ; но они готовы отвести меня къ моему семейству, и прислали вамъ эти подарки. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ ; подарки передъ вами : выби-

райте, чтò хотите. Друзья мои жаловаться не станутъ».

«При сихъ словахъ онъ сѣль, наклонивъ голову и закрывъ глаза руками въ ожиданіи смертельнаго удара. Но старая мать убитаго вышла впередь и сказала ему: «Ни я, ни дѣти мои смерти твоей не хотятъ. Не отвѣчаю за моего мужа: его здѣсь нѣть; однажъ подарки твои принимаю, и буду стараться отвратить отъ тебя мщеніе мужа. Это нещастіе случилось ненарочно. За что же твоя мать будетъ плакать, какъ я?» —

«На другой день молодой человѣкъ умеръ, и многіе изъ насть помогли убийцѣ вырыть могилу. Когда все было готово, губернаторъ подарилъ мертвому богатыя одѣяла, платы и прочее (что, по обычаю Индійцевъ, должно было быть скоронено вмѣстѣ съ тѣломъ). Эти подарки положены были въ кучу на краю могилы. Но старуха, вмѣсто того чтобъ ихъ закопать, предложила молодымъ людямъ разыграть ихъ между собою.

«Разныя игры слѣдовали одна за другою: стрѣляли въ цѣль, прыгали, боролись, и пр. Но лучшій кусокъ сукна былъ назначенъ наградою побѣдителю за бѣгъ въ запуски. Самъ убийца его выигралъ. Старуха подозвала его, и сказала: «Молодой человѣкъ! Сынъ мой былъ очень мнѣ дорогъ; боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы щастлива, еслибы ты заступиль его мѣсто, и любилъ и охранялъ меня подобно ему. Боюсь только моего мужа.»

— Молодой человѣкъ, благодарный за ея заступленіе, принялъ тотчасъ предложеніе. Онъ былъ усыновленъ, и родственники убитаго всегда обходились съ нимъ ласково и дружелюбно».

Не всѣ ссоры и убийства кончаются такъ миролюбиво. Джонъ Теннеръ описалъ одну ссору, гдѣ ужасное и смѣшное страннымъ образомъ перемѣшаны между собою.

«Братъ мой Уа-ме-гонъ-е-бью вошелъ въ шалашъ, гдѣ молодой человѣкъ билъ одну старуху. Братъ удержалъ его за руку. Въ это самое время пьяный старикъ, по имени Та-бу-шишъ, вошелъ тудаже, и, вѣроятно не разобравъ порядочно въ чемъ дѣло, схватилъ брата за волосы и откусилъ ему носъ. Народъ сбѣжался; произошло смятеніе. Многихъ изранили. Бегъ-уа-изъ, одинъ изъ старыхъ начальниковъ, бывшій всегда къ намъ благосклоненъ, прибѣжалъ на шумъ, и почель своею обязанностію вмѣшаться въ дѣло. Между тѣмъ братъ мой, замѣтя свою потерю, поднялъ руки, не подымая глазъ, вѣшился въ волоса первой попавшейся ему головы, и разомъ откусилъ ей носъ. Это былъ носъ нашего друга, старого Бегъ-уа-иза! Утоливъ немнога свое бѣшенство, Уа-ме-гонъ-е-бью узналъ его, и закричалъ: «Дядя! это ты!» — Бегъ-уа-изъ былъ человѣкъ добрый и смирный; онъ зналъ, что братъ откусилъ ему носъ совсѣмъ неумышленно. Онъ нимало не осердился, и сказалъ: «Я старъ: не дол-
«го будуть смѣяться надъ потерю моего носа.»

« Съ своей стороны я быль въ сильномъ негодованіи на старика, обезобразившаго брата моего. Я вошелъ въ хижину къ Уа-ме-гонъ-е-бю и сѣлъ подлѣ него. Онъ весь быль окровавленъ; нѣсколько времени молчаль, и когда заговорилъ, я увидѣль, что онъ быль въ полномъ своемъ разсудкѣ. «Завтра» — сказалъ онъ — «я буду плакать съ моими дѣтьми; послѣ завтра пойду къ Та-бу-шишу (врагу «своему), и мы оба умремъ: я не хочу жить, чтобы «быть вѣчно посмѣшищемъ.» Я обѣщался ему помочь въ его предпріятіи и приготовился къ дѣлу. Но проспавшиись и проплакавъ цѣлый день съ своими дѣтьми, онъ оставилъ свои злобныя намѣренія, и рѣшился какъ нибудь обойтися безъ носу также какъ и Бсгъ-уа-изъ.

« Нѣсколько дней спустя, Та-бу-шишъ опасно за-немогъ горячкою. Онъ ужасно похудѣль, и, казалось, умиралъ. Наконецъ прислали онъ къ Уа-ме-гонъ-е-бю два котла и другіе значительные подарки, и велѣль ему сказать: «Другъ мой, я тебя обезобра-зиль, а ты насладъ на меня болѣзнь. Я много стра-даль, а коли умру, то дѣти мои будутъ страдать «еще болѣе. Посылаю тебѣ подарки, дабы ты госта-вилъ мнѣ жизнъ....» Уа-ме-гонъ-е-бю отвѣчалъ ему черезъ посланнаго: «Не я насладъ на тебя болѣзнь; вылечить тебя не могу, подарковъ твоихъ не хочу.» Та-бу-шишъ томился около мѣсяца; волоса у него выпѣзли; потомъ онъ началъ выздоравливать, и мы всѣ пошли въ степи по разнымъ направленіямъ, удаляясь одинъ отъ другаго какъ можно болѣе.

«Однажды мы расположились таборомъ близъ деревушки, въ которую переселился Та-бу-шишъ, и готовы были уже снова выступить, какъ вдругъ увидѣли его. Онъ былъ весь голый, расписанъ и украшенъ какъ для битвы, и держалъ въ рукахъ оружіе. Онъ медленно къ намъ приближался, и казался глубоко раздраженнымъ. Но никто изъ нась не понялъ его намѣренія до самой той минуты, какъ онъ уставилъ дуло своего ружья въ спину моему брату. «Другъ мой» — сказалъ онъ ему — «мы до- «вольно пожили; мы довольно другъ друга помучи- «ли. Тебя просили отъ моего имени довольноствовать- «ся тѣмъ, что уже я вытерпѣль; ты не согласился; «черезъ тебя я все еще страдаю; жизнь мнѣ не- «сносна: намъ должно вмѣстѣ умереть.» — Два моло- дые Индійца, видя его намѣреніе, тотчасъ натя- нули свои луки, и прицѣлились въ него стрѣлами; но Та-бу-шишъ не обратилъ на нихъ никакого вни- маанія, Уа-мс-гонъ-е-бью испугался, и не смѣлъ при- поднять голову. Та-бу-шишъ готовъ былъ биться съ нимъ на смерть; но онъ не принялъ вызова. Съ той поры я вовсе пересталъ его уважать: послѣд- ній Индіецъ былъ храбрѣе и великодушнѣе его.»

Если частные распри Индійцевъ жестоки и кро- вопролитны, то войны ихъ, за то, вовсе не губи- тельны, и ограничиваются по большей части уто- мительными походами. Начальники не пользуются никакою властью, а дикии не знаютъ, что такое повиновеніе воинское. Они, наскуча походомъ, остав- ляютъ войско одинъ за другимъ, и возвращаются

каждый въ свою хижину, не успѣвъ увидѣть непріятеля. Старшины упрямятся нѣсколько времени; но, оставшись одни безъ воиновъ, слѣдуютъ общему примѣру, и война кончается безо всякаго послѣдствія.

Джонъ Теннеръ разсказываетъ съ видимымъ удовольствіемъ одинъ изъ своихъ военныхъ подвиговъ, который немного походитъ на воровство, но тѣмъ не менѣе доказываетъ его предпріимчивость и неустрашимость. Какіе-то Индійцы похитили у него лошадь. Онъ отправился съ намѣреніемъ или отыскать ее, или замѣнить. Посѣщая Индійскія селенія, въ одномъ изъ нихъ не встрѣтилъ онъ никакого гостепріимства. Это его оскорбило, и замѣтивъ добрую лошадь принадлежавшую старшинѣ, онъ изъ мести рѣшился присвоить ее себѣ.

«У меня подъ одѣяломъ»—говоритъ онъ—«спрятанъ бытъ арканъ. Я искусно набросилъ его на шею лошади—и не поскакалъ, а полетѣлъ. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтобы оглянуться: хижины негостспріимной деревни были едва видны и казались маленькими точками на далекой долинѣ....

«Тутъ я подумалъ, что не хорошо поступаю, похищая любимую лошадь человѣка, не сдѣлавшаго мнѣ никакого зла, хотя и отказалшаго мнѣ въ должномъ гостепріимствѣ. Я соскочилъ съ лошади и пустилъ ее на волю. Но въ ту же минуту увидѣлъ толпу Индійцевъ, скачущихъ изъ - за возвышенія. Я

едва успѣлъ убѣжать въ ближній орѣшникъ. Они искали меня нѣсколько времени по разнымъ направлѣніямъ, а я между тѣмъ спрятался съ большей осторожностю. Они разсѣялись. Многіе прошли близехонько отъ меня; но я былъ такъ хорошо спрятанъ, что могъ безопасно наблюдать за всѣми ихъ движеніями. Одинъ молодой человѣкъ раздѣлся до нага, какъ для сраженія, занѣмъ свою боевую пѣсь, бросилъ ружье, и съ простою дубиною въ рукахъ пошелъ прямо къ мѣсту, гдѣ я былъ спрятанъ. Онъ уже былъ отъ меня шагахъ въ двадцати. Курокъ у ружья моего былъ взвѣденъ, и я цѣлилъ въ сердце... Но онъ воротился. Онъ конечно не видалъ меня; но мысль находиться подъ надзоромъ невидимаго врага, вооруженнаго ружьемъ, вѣроятно поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведенна была обратно.

« Я тотчасъ пустился въ обратный путь, радуясь, что избавился отъ такой опасности; шель день и ночь, и на третью сутки прибылъ къ рѣкѣ Маузъ. Купцы тамошней конторы пѣняли, что я упустилъ изъ рукъ похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цѣну.

« Въ двадцати миляхъ отъ этой конторы жилъ одинъ изъ моихъ друзей, по имени Бе-на. Я просилъ его освѣдомиться о моей лошади и обѣ ея похитителѣ. Бе-на впустилъ меня въ шалашъ, гдѣ жили двѣ стаухи, и сквозь щелку указалъ на ту хижину, гдѣ жилъ Ба-гисъ-кунъ-нунгъ съ четырьмя своими сы-

новьями. Лошади ихъ паслись около хижинъ. Бена указалъ на прекраснаго чернаго коня, вымѣненнаго ими на мою лошадь. . . . Я тотчасъ отправился къ Ба-гисъ-кунъ-нунгу, и сказалъ ему: «Миѣ нужна лошадь». — У меня нѣтъ лишней лошади. — «Такъ яжъ одну уведу». — А я тебя убью. — Мы разстались. Я приготовился къ утру отправиться въ путь. Бена далъ мнѣ буйоловую кожу вмѣсто сѣдла; а старуха продала мнѣ ремень, въ замѣну аркана, мною оставленнаго на шеѣ лошади Индійскаго старшины. Рано утромъ вошелъ я въ хижину Бена, еще спавшаго, и покрылъ его тихонько совершенно новымъ одѣломъ, мнѣ принадлежавшимъ. Потомъ пошелъ далѣе.

«Приближалась къ хижинѣ Ба-гисъ-кунъ-нунга, увидѣлъ я старшаго его сына, сидящаго на порогѣ. . . . Замѣтивъ меня, онъ закричалъ изо всей мочи. . . . Вся деревня пришла въ смятеніе. . . . Народъ собрался около меня. . . . Никто, казалось, не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло. Одно семейство моего обидчика изъявляло явную непріязнь. . . .

«Я такъ быль взволнованъ, что не чувствовалъ подъ собою земли; кажется однако, я не быль испуганъ. Набросивъ петлю на чернью лошадь, я все еще не садился верхомъ, потому что это движение лишило бы меня на минуту возможности защищаться, — и можно было бы напасть на меня съ тыла. Подумавъ однако, что видъ малѣйшей нерѣшительности быль бы для меня чрезвычайно неблагодарнымъ, я хотѣлъ вскочить на лошадь; но сѣдлать слишкомъ боль-

шое усиліе , перепрыгнулъ черезъ лошадь , и рас-
тянулся на той сторонѣ , съ ружьемъ въ одной ру-
кѣ , съ лукомъ и стрѣлами въ другой . Я всталъ по-
спѣшино , оглядываясь кругомъ , дабы надзирать надъ
движеніями моихъ непріятелей . Всѣ хохотали во все
горло , кромѣ семьи . Ба - гись - кунь - нунга . Это обо-
дило меня , и я сѣлъ верхомъ съ болѣшей рѣшимо-
стю . Я видѣль , что , ежелибы въ самомъ дѣлѣ хотѣли
на меня напасть , то воспользовались бы ми-
нutoю моего паденія . Къ тому же веселый хохотъ
Индійцевъ доказывалъ , что предпріятіе мое вовсе ихъ
не оскорбляло .»

Джонъ Теннеръ отбился отъ погони , и остался
спокойнымъ владѣтелемъ геройски похищенного коня .

Онъ иногда выдаетъ себя за человѣка недоступ-
наго предразсудкамъ ; но поминутно обличаетъ свое
Индійское суевѣrie . Теннеръ вѣритъ снамъ и пред-
сказаніямъ старухъ : тѣ и другія для него всегда
сбываются . Когда голодень , ему снятся жирные
медвѣди , вкусныя рыбы , и черезъ нѣсколько вре-
мени въ самомъ дѣлѣ удастся ему застрѣлить дикую
козу или поймать осетра . Въ затруднитель-
ныхъ обстоятельствахъ ему всегда является во снѣ
какой - то молодой человѣкъ , который даетъ добрый
совѣтъ или ободряетъ его . Теннеръ поэтически
описываетъ одно видѣніе , которое имѣть онъ въ пу-
стынѣ на берегу Малаго Сась - Кау .

« На берегу этой рѣки есть мѣсто , нарочно со-
зданное для Индійского табора : прекрасная при-

стань, маленькая долина, густой лесь, прислоненный къ холму..... Но это мѣсто напоминаетъ ужасное проицествіе: здѣсь совершилось братоубійство, злодѣяніе столь неслыханное, что самое мѣсто почитается проклятымъ. Ни одинъ Индіецъ не причалитъ членока своего къ долинѣ «Двухъ Убитыхъ»; никто не осмѣлитъся тамъ ночевать. Преданіе гласить что нѣкогда въ Индійскомъ таборѣ, здѣсь остановившемся, два брата (имѣвшіе сокола своимъ *тотемомъ* *) поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ убилъ другаго. Свидѣтели такъ были поражены симъ ужаснымъ злодѣйствомъ, что тутъ же умертвили братоубійцу. Оба брата похоронены вмѣстѣ.

«Приближалась къ сему мѣсту, я много думалъ о двухъ братьяхъ, имѣвшихъ одинъ со мною *тотемъ*, и которыхъ почиталъ я родственниками матери моей (Неть-но-куа). Я слыхалъ, что когда располагались на ихъ могилѣ (что нѣсколько разъ и случалось), они выходили изъ-подъ земли и возобновляли ссору и убийство. Но крайней мѣрѣ достовѣрно, что они беспокоили посѣтителей и мѣшали имъ спать. Любопытство мое было встревожено. Мне хотѣлось разскѣзать Индійцамъ не только что я останавливался въ этомъ страшномъ мѣстѣ, но что еще тамъ и ночевалъ.

Солнце садилось, когда я туда прибылъ. Я вытащилъ свой членокъ на берегъ, разложилъ огонь, и отужинавъ, заснуль.

* Родъ герба. Соколъ бывъ также *тотемомъ* и Д. Теннера.

«Прошло илько минутъ, и я увидѣлъ обоихъ мертвцевъ, встающихъ изъ могилы. Они пришли и сѣли у огня прямо передо мною. Глаза ихъ были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видѣлъ, не услышалъ ни одного звука, кромѣ шума шатающихся деревъ. Вѣроятно я заснуль опять, ибо мертвцы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу рѣки, потому что головы ихъ были направлены съ землею, на которой разложилъ я огонь. Глаза ихъ все были устремлены на меня. Вскорѣ они встали опять одинъ за другимъ, и сѣли снова противъ меня. Но тутъ уже они смеялись, били меня тросточками и мучили различнымъ образомъ. Я хотѣлъ имъ сказать слово, но не стало голосу; пробовалъ бѣжать: ноги не двигались. Цѣлую ночь я волновался и былъ въ безпрестанномъ страхѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ между прочимъ, чтобы я взглянулъ на подошву ближняго холма. Я увидѣлъ связанныю лошадь, глядѣвшую на меня. «Вотъ тебѣ, братъ» — сказалъ мнѣ жеби * — «лошадь на завтрашній путь. Когда ты поѣдешь домой, тебѣ можно будетъ взять ее снова, а съ нами провести еще одну ночь».

«Наконецъ разсвѣло, и я съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что эти страшныя привидѣнія исчезли съ ночнымъ мракомъ. Но, пробывъ долго м-

* Мертвецъ.

жду Индійцами, и зная множество примѣровъ тому, что сны часто сбываются, я сталъ не на шутку помышлять о лошади, данной мнѣ мертвѣцомъ; пошелъ къ холму, и увидѣлъ конскіе слѣды и другія примѣты, а въ нѣкоторомъ разстояніи нашелъ и лошадь, которую тотчасъ узналъ: она принадлежала купцу, съ которымъ имѣлъ я дѣло. Дорога сухимъ путемъ была нѣсколькоими милями короче пути водяного. Я бросилъ членокъ, навьючили лошадь, и отправился къ конторѣ, куда на другой день и прибылъ. Въ послѣдствіе времени я всегда старался миновать могилу обоихъ братьевъ; а разсказъ о моемъ видѣніи и страданіяхъ ночныхъ увеличилъ въ Индійцахъ суевѣрный ихъ ужасъ. »

Джонъ Теннеръ былъ дважды женатъ. Описаніе первой его любви имѣеть въ его «Запискахъ» какую-то диковинную прелестъ. Красавица его носила имя, имѣвшее очень поэтическое значеніе, но которое съ трудомъ помѣстилось бы въ элегіи: она звалась Мись-куа-буни-о-куа, что по Индійски значитъ Заря.

«Однажды вечеромъ» — говорить Теннеръ — «сидя передъ нашей хижиной, увидѣлъ я молодую девушку. Она, гуляя, курила табакъ, и изрѣдка на меня посматривала; наконецъ подошла ко мнѣ и предложила мнѣ курить изъ своей трубки. Я отвѣчалъ, что не курю. «Ты отъ того» — сказала она — «отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки». Я взялъ трубку изъ ея рукъ, и покурилъ немногого — въ самомъ дѣлѣ въ первый разъ отъ роду. Она со мною

разговорилась, и понравилась мнѣ. Съ той поры мы часто видались, и я къ ней привязался.

« Вхожу въ эти подробности, потому что у Индійцевъ такимъ образомъ не знакомятся. У нихъ обыкновенно молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ вовсе ему незнакомой. Они видались; можетъ быть, взглянули другъ на друга; но вѣроятно никогда между собою не говорили; свадьба рѣшена стариками, и рѣдко молодая чета противится волѣ родительской. Оба знаютъ, что, если союзъ сей будетъ непріятенъ одному изъ двухъ, или обоимъ вмѣстѣ, то легко будетъ его расторгнуть.

« Разговоры мои съ Мись-куа-бунъ-о-куа вскорѣ надѣмали много шуму въ нашемъ селеніи. Однажды старый Очукъ-ку-конъ вошелъ ко мнѣ въ хижину, держа за руку одну изъ многочисленныхъ своихъ внучекъ. Онъ, судя по слухамъ, полагалъ, что я хотѣлъ жениться. «Вотъ тебѣ»—сказалъ онъ моей матери—«самая добрая и самая прекрасная изъ моихъ внучекъ: я отдаю ее твоему сыну». Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, оставя ее у насъ въ хижинѣ. . . .

«Мать моя всегда любила молодую дѣвушку, которая считалась красавицей. Однакожъ старуха смущилась, и сказала мнѣ наединѣ: «Сынъ, дѣвушка прекрасна и добра; но не бери ее за себя: она большна и черезъ годъ умретъ. Тебѣ нужна жена сильная и здоровая, и такъ предложимъ ей хороший подарокъ, и отошлемъ ее къ родителямъ». Дѣвушка

возвратилась съ богатыми подарками, а черезъ годъ предсказаніе старухи сбылось.

« Съ каждымъ днемъ любовь наша усиливалась. Мать моя, вѣроятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорилъ; но она знала все, и вскорѣ я въ томъ удостовѣримся. Однажды проведши въ первый разъ большую часть ночи съ моей любовницей, я воротился поздно, и заснулъ. На зарѣ старуха разбудила меня, ударивъ прутомъ по голымъ ногамъ.

« Вставай! — сказала она — « вставай, молодой женихъ, ступай на охоту. Жена твоя будетъ тебя болѣе почитать, когда рано воротишься къ ней съ добычей, нежели когда станешь величаться гуляя по селенію въ отсутствіе ловцовъ. » Я молча взялъ ружье и вышелъ. Въ полдень воротился, неся на плечахъ жирнаго муга, мною застрѣленнаго, и сбросилъ его къ ногамъ матери, сказавъ ей грубымъ голосомъ: « Вотъ тебѣ, старуха, что ты сегодня утромъ отъ меня требовалъ. » Она была очень довольна и похвалила меня. Изъ того я заключилъ, что связь моя съ молодой девушкой не была ей противна, и очень былъ тому радъ. Многіе изъ Индійцевъ чудятся своихъ старыхъ родителей; но хотя Нетъ-нокуя была уже дряхла и немощна, я сохранялъ къ ней прежнее, безусловное почтеніе.

« Я съ жаромъ предавался охотѣ, и почти всегда возвращался рано, или по крайней мѣрѣ засвѣтло, обремененный добычей. Я тщательно наряжался, и

разгуливаль по селенію, играя на Индійской свирѣли, называемой пи-бе-гвунь. Въ теченіи нѣкотораго времени Мисъ-куа-бунъ-о-куа притворно отвергала меня. Я сталъ охладѣвать; тогда она забыла все притворство... Съ моей стороны желаніе привести жену къ намъ въ хижину уменьшилось. Я хотѣлъ прервать съ нею вслкія сношенія. Увидя явное равнодушіе, она хотѣла тронуть мнѣ сердце то слезами, то упреками; но я ничего не говорилъ объ ней старухѣ, и съ каждымъ днемъ охлажденіе мое становилось сильнѣе.

«Около того времени мнѣ понадобилось побывать на Красной-Рѣкѣ, и я отправился съ однімъ Индійцемъ, у котораго была сильная и легкая лошадь. Намъ предстояла дорога на семьдесятъ миль. Мы поочередиѣ бѣжали верхомъ, а пѣшій между тѣмъ бѣжалъ держа лошадь за хвостъ. Мы были въ дорогѣ одинѣ сутки. На возвратномъ пути я былъ одинъ, и шелъ пѣшкомъ. Темнота ночи и усталость заставили меня ночевать въ десяти миляхъ отъ нашей хижины.

«Пришель домой на другой день, я увидѣлъ Мисъ-куа-бунъ-о-куа сидящую на моемъ мѣстѣ. Я остановился у дверей въ недоумѣніи. Она потупила голову. Старуха сказала мнѣ съ видомъ сердитымъ: «Что же? развѣ оборотишись ты спиною къ нашей хижинѣ, и обезчестиши эту бѣдную дѣвушку, которой ты не стбиши? Все, что случилось между вами, сдѣлалось по твоей же волѣ, не съ моего и не съ ея согласія. Ты самъ за нею бѣгалъ повсю-

ду; а теперь не ужто прогонишь ее, какъ будто она на тебя навязалась?» . . . Укоризны матери казались мнѣ несовсѣмъ несправедливы. Я вошелъ и сѣль подлѣ дѣвушки . . . Такимъ образомъ мы стали мужъ и жена.» —

Джонъ Теннеръ оставилъ свою жену, и взялъ другую, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Вопреки своей долговременной привычкѣ и страстью любви къ жизни охотничей, жизни трудовъ, опасностей и восхищений непонятныхъ и неизъяснимыхъ, одичалый Американецъ всегда помышлялъ о возвращеніи въ нѣдра семейства, отъ которого такъ долго былъ насильственно отторгнутъ. Наконецъ рѣшился исполнить давнишнее свое намѣреніе, и отправился къ берегамъ Бигъ-Міами, къ мѣсту пребыванія прежняго своего семейства.

Пришедъ въ одно изъ тамошнихъ поселеній, встрѣтилъ онъ старого Индійца, и узналъ въ немъ молодаго дикаря, нѣкогда его похитившаго. Они дружески обнялись. Теннеръ узналъ отъ него о смерти старика, такъ страшно съ нимъ познакомившагося. Индіецъ рассказалъ ему подробности его похищенія, о которыхъ Теннеръ имѣлъ только смутное понятіе. На вопросъ его: правда ли, что старый Теннеръ и все его семейство учинились жертвою Индійцевъ, какъ нѣкогда Манито-о-гезикъ увѣрялъ маленькаго своего племянника? Индіецъ отвѣчалъ, что старикъ солгалъ, и рассказалъ ему слѣдующее:

Годъ спустя послѣ похищенія Джона Теннера, Мо-

*

нито-о-гезикъ воротился къ тому мѣсту, гдѣ совершилъ первое свое предпріятіе. Тутъ съ утра до полудня онъ подстерегалъ стараго Теннера и его работниковъ. Они всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ; въ полѣ остался только старшій сынъ, пахавшій землю союю, запряженною лошадьми. Индійцы на него бросились; лошади дернули; братъ Джона Теннера запутался въ веревкахъ, упалъ, и былъ схваченъ. Лошадей убили стрѣлами. Индійцы утащили молодаго Теннера въ лѣса, переправясь до ночи черезъ Оіо. Пленника привязали къ дереву веревками; но онъ успѣлъ перегрысть узель, высвободилъ руку, вынулъ ножичекъ изъ кармана, перерѣзалъ свои узы, тотчасъ побѣжалъ къ рѣкѣ и бросился вплавь. Индійцы, услышавъ шумъ, проснулись, погнались-было за нимъ; но ночь была темна, и онъ успѣлъ убѣжать, оставилъ имъ на память свою шляпу.»

Отецъ Теннера умеръ тому лѣтъ десять, оставилъ имѣніе свое старшему сыну, и не позабывъ въ своей духовной того, чья участъ была ему неизвѣстна.

Наконецъ Джонъ Теннеръ увидѣлъ свою семью, которая приняла его съ великою радостію. Братъ его обнялъ съ восторгомъ, обрѣзалъ ему волосы, и употребилъ всевозможныя старанія, дабы удержать его у себя дома. Одичалый Американецъ, съ своей стороны, звалъ его къ себѣ, къ Лѣсному Озеру, выхваляя ему черезъ переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра

Люси имѣла десять человѣкъ дѣтей. Наконецъ просьбы родныхъ на него подействовали: онъ рѣшился оставить Индійцевъ и съ своими дѣтьми переселиться въ общество, которому принадлежалъ по праву рожденія.

Но приключенія Теннера тѣмъ еще не кончились. Судьба назначала ему еще новыя испытанія. Возвратясь къ дикимъ своимъ знакомцамъ и объявивъ имъ о своемъ намѣреніи, онъ возбудилъ сильное негодованіе. Индійцы не соглашались выдать ему дѣтей. Жена отказывалась слѣдовать за нимъ къ людямъ чуждымъ и ненавистнымъ. Власти Американскія принуждены были вмѣшаться въ семейственный дѣлъ Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили Индійцевъ отпустить его домой со всѣмъ семействомъ. Онъ еще въ послѣдній разъ отправился съ родными къ Красной - Рѣкѣ на охоту за буйволами, прощааясь навсегда съ дикой жизнью, имѣвшей для него столько прелести. Возвратясь онъ сталъ готовиться въ дорогу.

Индійцы простились съ нимъ дружелюбно. Сынъ его не захотѣлъ за нимъ слѣдовать, и остался вольнымъ дикаремъ. Теннеръ отправился съ двумя дочерьми и съ ихъ матерью, которая не хотѣла съ ними разстаться. Послушаемъ, какъ Теннеръ описываетъ свое послѣднее путешествіе.

« Въ обратномъ пути я предпочелъѣхать по Недоброї Рѣкѣ, что должно было сократить дорогу на нѣсколько миль. Близъ устья рѣки Осетра въ

то время стоялъ таборъ или деревня изъ шести или семи хижинъ. Тутъ находился молодой человѣкъ, по имени Омъ - чу - гвутъ - онъ. Онъ былъ высѣченъ, по приказанію Американскаго начальства, за настоящую или мнимую вину, и глубоко за то злобствовалъ. Узнавъ о моемъ проѣздѣ, онъ прїѣхалъ ко мнѣ на своеемъ челночкѣ.

«Довольно страннымъ образомъ сталъ онъ искать разговора со мною, и вздумалъ увѣрять, что между нами существовали сношения семейственныя; но чеваль съ нами вмѣстѣ, и утромъ мы съ нимъ отправились въ одно время. Причала къ берегу, я примѣтилъ, что онъ искалъ случая встрѣтиться въ лѣсу съ одной изъ моихъ дочерей, которая тотчасъ воротилась, немного встревоженная. Мать ея также нѣсколько разъ въ теченіи дня имѣла съ нею тайные разговоры; но дѣвочка все была печальна и нѣсколько разъ вскрикивала.

«Къ ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человѣкъ тотчасъ удалился. Я притворно занимался своими распоряженіями, а между тѣмъ не выпускалъ его изъ виду;— вдругъ приблизился къ нему, и увидѣлъ его посреди всего снаряда охотничьяго. Онъ обматывалъ около пули оленью жилу, длиною около пяти вершковъ. Я сказалъ ему: «Братъ мой» (такъ называлъ онъ меня самъ) «если у тебя не достаетъ пороху, пуль или кремней, то возьми у меня, сколько тебѣ понадобится.» Онъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не нуждается, а я воротился къ себѣ на ночлегъ.

« Нѣсколько времени я его не видалъ. Вдругъ явился онъ въ парядѣ и украшеніяхъ воина, идущаго въ сраженіе. Въ первую половину ночи онъ надзиралъ за всѣми моими движеніями съ удивительнымъ вниманіемъ; подозрѣнія мои, уже и безъ того сильно возбужденныя, увеличились еще болѣе. Однакожь онъ продолжалъ со мною разговаривать много и дружелюбно, и попросилъ у меня ножикъ чтобы нарѣзать табаку; но вместо того чтобы возвратить его, сунулъ себѣ за поясъ. Я полагалъ, что онъ отдастъ мнѣ его по утру.

« Я легъ въ обыкновенный чаръ, не желая показать ему свои подозрѣнія. Палатки у меня не было, и я лежалъ подъ крашеной холстиной. Растигнувшись на землѣ, я выбралъ такое положеніе, что могъ видѣть каждое его движеніе. Настала гроза. Онъ, казалось, сталъ еще болѣе беспокоенъ и нетерпѣливъ. При первыхъ дождевыхъ капляхъ я предложилъ ему раздѣлить со мною приютъ. Онъ согласился. Дождь шелъ сильно; огонь нашъ былъ залитъ; скоро потомъ *мустики* (родъ комаровъ) напали на насъ. Онъ опять разложилъ огонь и сталъ обмахивать меня вѣткою.

Я чувствовалъ, что мнѣ не должно было засыпать; но усыплѣніе начинало овладѣвать мною. Вдругъ разразилась новая гроза сильнѣе первой. Я оставался какъ усыпленный, не открывая глазъ, не шевелясь и не теряя изъ виду молодаго человѣка. Однажды сильный ударъ грома, казалось, смутилъ его. Я уви-

дѣль, что онъ бросалъ въ огонь немногого табаку въ видѣ приношенія. Въ другой разъ, когда сонъ, казалось, совершенно мною овладѣвалъ, я увидѣлъ, что онъ стерегъ меня, какъ кошка готовая броситься на свою жертву; однакожъ я все противился дремотѣ.

По утру онъ съ нами отзавтракалъ, какъ обыкновенно, и ушелъ впередъ прежде, нежели успѣлъ я собраться. Дочь моя, съ которой разговаривалъ онъ въ лѣсу, казалась еще болѣе испуганною, и долго не хотѣла войти въ членокъ; мать уговаривала ее, и старалась скрыть отъ меня ея смятеніе. Наконецъ мы побѣхали. Молодой человѣкъ плылъ у берега, не въ дальнемъ отъ наѣзда разстояніи, до десяти часовъ утра. Тогда при довольно-опасномъ и быстромъ поворотѣ, откуда взору открывалось далекое пространство, и онъ и членокъ его исчезли, что очень меня удивило.

«На семъ мѣстѣ рѣка имѣеть до 80 вержей ширины, а въ десяти—отъ поворота, о которомъ я упоминалъ—находится маленький, утесистый островъ. Я былъ раздѣтъ и съ усилиемъ правилъ членокомъ противъ бурнаго теченія (что заставляло меня жаться какъ можно ближе къ берегу), какъ вдругъ вблизи раздался ружейный выстрѣлъ; пуля просвистала надъ моей головою. Я почувствовалъ какъ-бы ударъ по боку. Весло выпало у меня изъ правой руки, которая сама повисла. Дымъ выстрѣла затемнялъ кусты; но со втораго взгляда я узналъ убѣгающаго Омъ - чуткій - она.

«Дочери мои закричали. Я обратилъ вниманіе на членокъ: онъ былъ весь окровавленъ. Я старался лѣвою рукою направить его на берегъ, чтобы преслѣдоватъ молодаго человѣка; но теченіе было слишкомъ сильно для меня: оно принесло насъ на утесистый островокъ. Я ступилъ на него, и вытащивъ лѣвою рукою членокъ на камень, попробовалъ зарядить ружье; но не успѣлъ того сдѣлать, и упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, я увидѣлъ, что былъ одинъ на острову. Членокъ съ моими дочерьми исчезалъ вдали, возвращаясь вспять по теченію. Я снова лишился чувствъ; но наконецъ пришелъ въ себя.

« Полагая, что мой убійца надзиралъ за мною изъ какого нибудь скрытаго мѣста, я осмотрѣлъ свои раны. Правая рука была въ очень худомъ состояніи: пуля, вошедшая въ бокъ близъ легкаго, осталась во мнѣ. Я отчаялся въ жизни, и стала кликать Омъ-чу-гвутъ-она, прося его прекратить мнѣ и жизнь и мученія: «Ты убилъ меня»—кричалъ я—«но хотя я и смертельно раненъ, однако боюсь прожить нѣсколько дней. Приди же, если ты мужъ, и выстрѣли въ меня еще разъ.» Звалъ его нѣсколько разъ, но не получилъ отвѣта.

« Я былъ почти голъ: въ минуту какъ меня ранили, на мнѣ, кромѣ портъ, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усиливъ при плаваніи. Я лежалъ на голомъ утесѣ, на зноѣ лѣтняго дня; земляныя и черныя муки кусали меня; въ будущемъ видѣль я лишь медленную смерть. Но по захожденіи солн-

ца, сила и надежда возвратились; я доплылъ до того берега. Вышедъ изъ воды, могъ стать на ноги, и испустилъ крикъ брачный, называемый *сассакуи*, въ знакъ радости и вызова. Но потеря крови и усилия во время плаванія снова лишили меня чувствъ.

« Пришедъ въ себя, я спрятался близъ берега, чтобы наблюдать за моимъ врагомъ. Вскорѣ увидѣлъ я Омъ-чу-гвутъ-она, выходящаго изъ своей западни; онъ пустилъ въ воду свой членокъ, поплылъ внизъ по рѣкѣ, и прошелъ близехонько отъ меня. Мне сильно хотѣлось кинуться на него, чтобы схватить и задавить его въ водѣ; но я не понадѣялся на свои силы, и такимъ образомъ пропустилъ его, не открываясь.

« Вскорѣ пламенная жажда начала меня мучить. Берега рѣки были круты и каменисты. Я не могъ лежа напиться отъ ранской руки, на которую не въ силахъ былъ опереться. Надлежало войти въ воду по самыя губы. Вечеръ свѣжѣлъ болѣе и болѣе, и силы мои вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнѣе; я занялся своею раною. Не смотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленныя косточки; сперва разорвалъ на бинты остатокъ своей рубашки, потомъ зубами и лѣвой рукою стала ихъ обвязывать около руки сначала слабо, а потомъ все туже, туже, пока наконецъ успѣлъ ее порядочно перевязать. Вместо лубковъ привязалъ я прутики, и повѣсила руку на веревочку, накинутую на щею.

«Послѣ того взялъ корку съ дерева, похожаго на вишневое, и разжевавъ ее, приложилъ къ моимъ ранамъ, надѣясь тѣмъ остановить теченіе крови. Кусты, отдѣлявшіе меня отъ рѣки, были всѣ окровавлены. Настала ночь. Я выбралъ для ночлега мшистое мѣсто. Пѣнь служилъ мнѣ изголовьемъ. Я не хотѣлъ удалился отъ берега, дабы наблюдать надо всѣмъ что случится, и дабы въ случаѣ жажды имѣть возможность ее утолить. Я зналъ, что лодка, принадлежащая купцамъ, должна была около того времени проѣхать въ этомъ самомъ мѣстѣ, ждалъ я отъ нихъ то помощи. Индійскихъ хижинъ не было ближе тѣхъ, откуда къ намъ присоединился Омъ-чу-гвутъонъ, и я имѣль причину думать, что кромѣ него, дочерей моихъ и жены, никого кругомъ не было.

«Простертый на землѣ, я сталъ молиться Великому Духу, прося его сжалиться надо мною и низпослать помощь въ часъ скорби. Оканчивая молитвы, замѣтилъ я, что мустики, которые роемъ облепили голое тѣло мое, умножая страданія, стали отлетать, покружились надо мною, и наконецъ исчезли. Я не приписалъ этого непосредственному дѣйствію Великаго Духа: вечеръ становился холоднымъ, и слѣдовательно это было вліяніе воздуха. Я былъ однажды увѣренъ, какъ и всегда, во время бѣдствій и опасности, что Владыко дней моихъ невидимо находился близъ меня, мощно мнѣ покровительствуя. Я спалъ тихо и спокойно; но часто просыпался, и всякой разъ помнилъ, просыпаясь, что снилась мнѣ лодка съ бѣлыми людьми.

«Около полуночи услышалъ я на той сторонѣ рѣки женскіе голоса, и мнѣ показались они голосами моихъ дочерей. Я подумалъ, что Омь-чу-гвутъ-онъ открылъ мѣсто, куда онъ скрылись, и какъ нибудь ихъ обижалъ, потому что крики ихъ изъявляли страданіе. Но я не имѣлъ силы встать и идти къ нимъ на помощь.

«На другой день, прежде десяти часовъ утра, услышалъ я по рѣкѣ человѣческіе голоса, и увидѣлъ лодку, наполненную бѣлыми людьми, подобную той, которую видѣлъ во снѣ. Эти люди вышли на берегъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста гдѣ я лежалъ, и стали готовить завтракъ. Я узналъ лодку г. Стюарта, Гудзонскаго купца, котораго ждали около того времени. Полагая, что появленіе мое произведетъ надъ ними впечатлѣніе непріятное, я дождался конца ихъ завтрака.

«Когда приготовились они къ отплытію, я вошелъ въ бродъ, дабы обратить на себя ихъ вниманіе. Увидя меня, Французы перестали грести, и всѣ устремили на меня взоръ съ видомъ сомнѣнія и ужаса. Теченіе быстро ихъ уносило, и зовъ мой, произнесенный на Индійскомъ языке, не производилъ никакого дѣйствія. Наконецъ я сталъ звать г. Стюарта по имени, и вспомнивъ нѣсколько Англійскихъ словъ, умоляль путешественниковъ воротиться за мною. Въ одну минуту весла опустились, и лодка подѣхала такъ близко, что я могъ въ нее войти.

«Никто не узналъ меня, хотя гг. Стюартъ и Грантъ были мнѣ очень знакомы. Я былъ весь окро-

вавленъ, и вѣроятно страданія очень меня перенѣнили. Меня осыпали вопросами. Вскорѣ узнали, кто я таковъ и что со мною случилось. Приготовили мнѣ постелю въ лодкѣ. Я умолялъ купцевъ бѣхать за моими дѣтьми въ то направлѣніе, откуда слышались ихъ крики, и боялся найти ихъ умерщвленными. Но всѣ розысканія были тщетны.

« Узнавъ обѣ имени моего убийцы, купцы рѣшились тотчасъ отправиться въ деревню, гдѣ жилъ Омь - чу - гвутъ - онъ, и обѣщались убить его на мѣстѣ, если успѣютъ поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы къ хижинамъ, старикъ вышелъ къ намъ на встрѣчу, спрашивая: « Что новаго? » — Все хорошо — отвѣчалъ Г. Стюартъ—другой новости нѣтъ.—« Бѣлые люди »—возразилъ старикъ — « никогда намъ правды не скажутъ. Я знаю, что въ той странѣ, откуда вы прибыли, есть новости. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ людей, Омь - чу - гвутъ - онъ, былъ тамъ, и сказывалъ что Соколь (Индійское прозвище Д. Теннера), который дней нѣсколько тому назадъ проѣжалъ здѣсь съ женою и съ дѣтьми, всѣхъ ихъ перерѣзаль. Но, кажется, Омь - чу - гвутъ - онъ сдѣлалъ самъ что нибудь недоброе: онъ что-то не спокоенъ, а увида васъ, бѣжалъ. »

« Гг. Стюартъ и Грантъ стали однакожь искать Омь-чу-гвутъ-она по всѣмъ хижинамъ, и удостовѣряясь въ его побѣгѣ, сказали старику: « Правда, онъ сдѣлалъ недоброе дѣло; но тотъ, кого хотѣлъ онъ

убить, съ нами; неизвестно, будетъ ли онъ еще живъ...» Тогда показали меня Иидійцамъ, собравшимся на берегу.

«Здѣсь мы иѣсколько времени отдыхали. Осмотрѣли мои раны. Я удостовѣрился, что пуля, раздробивъ кость руки, вошла въ бокъ близъ ребра, и просилъ г. Гранта вынуть ее; но ни онъ, ни г. Стюартъ на то не согласились. Я принужденъ былъ самъ начать операцио лѣвою рукою. Ланцетъ, даний мнѣ г. Грантомъ, переломился. Я взялъ первичинный ножичекъ, и тотъ переломился, потому что въ этомъ мѣстѣ мясо очень отвердѣло. Наконецъ дали мнѣ широкую бритву, и я вынулъ пуллю; она была очень сплющена. Оленья жила и другія снадобья остались въ ранѣ. Коль скоро увидѣль я, что пуля ниже ребръ не опустилась, сталъ надѣяться на выздоровленіе; но, имѣя причину полагать, что рана моя была отравлена лдомъ, предвидѣль медленное выздоровленіе.

«Послѣ того отправились мы въ деревню, въ которой старшиною былъ родной братъ моего убийцы. Тутъ г. Стюартъ имѣлъ предосторожность спрятать меня опять. Жители призваны были одинъ за другимъ; имъ раздали табаку. Но всѣ розысканія опять остались тщетны. Наконецъ меня показали, и сказано было старшинѣ, что мой убийца былъ родной его братъ. Онъ потупилъ голову, и отказался отвѣтить на вопросы бѣлыхъ людей. Но мы узнали отъ другихъ Иидійцевъ, что жена моя съ дочерьми

останавливалась въ этой деревнѣ на пути своемъ къ Дождевому Озеру.

« Мы тотчасъ туда отправились, и нашли ихъ задержанныхъ въ конторѣ. Подозрѣніе тамошнихъ купцовъ было возбуждено ихъ беспокойствомъ и ужасомъ, также и моимъ отсутствіемъ. Коль скоро меня завидѣли, старуха убѣжала въ лѣсъ; но купцы послали за нею погоню; ее поймали и привели.

« Гг. Стюартъ и Грантъ предоставили мнѣ самому произнести приговоръ надъ женою, явно виновной въ покушеніи на мою жизнь. Они объявили ея преступление, равнымъ злодѣйству Омъ-чутвутъ-она и достойнымъ смерти или всякой другой казни. Но я потребовалъ, чтобы ее только прогнали изъ конторы безъ запасовъ, и запретили бѣ туда являться. Она была мать моихъ дѣтей: я не хотѣль, чтобы она была повѣшена или забита до смерти (какъ предлагали мнѣ купцы); но видъ ея становился мнѣ неносенъ: по просьбѣ моей, ее прогнали безъ наказанія.

« Дочери сказали, что въ ту минуту, какъ упала я безъ чувствъ на камень, онѣ, почитая меня мертвымъ и повинуясь приказанію матери, пустились въ обратный путь, и предались бѣгству. Въ некоторомъ разстояніи отъ островка, гдѣ я лежалъ, старуха причалила къ кустарнику, спрятала тамъ мое платье, и послѣ долгаго перехода скрылась въ лѣсу; но потомъ, размысливъ, что лучше бы сдѣлала, еслибъ присвоила себѣ мою собственность, воро-

тилась. Тогда - то услышалъ я крики дочерей сопровождашихъ старуху , которая подбирала мое платье на берегу.... »

Нынѣ Джонъ Теннеръ живеть между образованными своими соотечественниками. Онъ въ тяжбѣ съ своею мачихою о нѣсколькихъ Неграхъ , оставленныхъ ему по наслѣдству. Онъ очень выгодно продалъ свои любопытныя «Записки»; и на дняхъ будетъ вѣроятно членомъ *Общества Воздержности* *. Словомъ, есть надежда, что Теннеръ современемъ сдѣлается настоящимъ *уапкес* **, съ чѣмъ и поздравляемъ его отъ искренняго сердца.

The Reviewer.

* Общество, коего цѣль -- истребление пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никакихъ крѣпкихъ напитковъ.

Изд.

** Прозвище, данное Американцамъ; смыслъ его памъ исквѣстенъ.

Изд.